

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

КИРГИЗЪ

ПЕРОВСКАГО И КАЗАЛИНСКАГО

УЪЗДОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

воспитанника IV класса Туркестанской Учительской
Семинаріи

Худабая Кустанаева.

Подъ редакціей Н. А. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

Напечатано на средства О. А. Порцева.

Г. ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія Бр. Порцевыхъ.

1894 г.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

КИРГИЗЪ

ПЕРОВСКАГО И КАЗАЛИНСКАГО

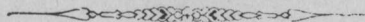
УЪЗДОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

воспитанника IV класса Туркестанской Учительской
Семинаріи

Худабая Кустанаева.

Подъ редакціей Н. А. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

Напечатано на средства О. А. Порцева.

Г. ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія Бр. Порцевыхъ.
1894 г.

Печатать разрѣшается. И. д. Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьин-
ской области *П. Хомутовъ.*

15 Сентября 1894 г.
г. Ташкентъ.

**Туркестанской Учительской
Семинаріи**

въ знакъ искренней благодарности
за полученное въ ней образованіе
посвящаеиъ

Авторъ.

Какъ этнографическій этюдъ, настоящіе „Очерки“ явились плодомъ наблюдательности воспитанника IV класса Туркестанской Учительской Семинаріи Худабая Кустанаева въ отношеніи быта киргизъ. Не представляя изъ себя законченнаго изслѣдованія и не претендуя, какъ ученическая работа, на особыя научныя достоинства, „Очерки“ эти тѣмъ не менѣе въ достаточной степени знакомятъ съ нѣкоторыми свойственными жизни киргизъ характеристическими чертами, которыя до сего времени по своей недоступности были неизвѣстны европейцамъ-наблюдателямъ, изучавшимъ бытъ киргизъ и писавшимъ спеціальныя изслѣдованія по сему предмету (Левшинъ и другіе). Этимъ трудомъ авторъ, будучи туземцемъ-мусульманиномъ, заявляетъ свою солидарность съ европейскимъ просвѣщеніемъ, раскрывая хорошія и дурныя стороны жизни своихъ сородичей киргизъ, кочующихъ въ степяхъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области. Посвященіемъ же труда своей almae matři авторъ показываетъ, что просвѣщеніе служитъ самымъ надежнымъ и гуманнымъ средствомъ къ нормальнымъ отношеніямъ, — сплоченію покоренныхъ народовъ съ просвѣщенными побѣдителями. Пусть эта первая попытка

молодаго автора послужить и для других туземцевъ, получившихъ образованіе въ Туркестанскомъ краѣ, стимуломъ къ дружной работѣ въ подобномъ симпатичномъ направленіи.

Преподаватель русскаго языка въ Туркестанской учительской Семинаріи

Н. Воскресенскій.

21 Мая 1894 года
г. Ташкентъ.

І.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Типъ киргизъ.—Одежда и украшенія.—Жилище.—Пища и утварь.—Кочевка.—Гостепріимство.—Зимовка и зимнія развлеченія.

Обширныя степныя пространства, лежація на всемъ протяженіи отъ Омска до долины рѣки Аму-Дарьи, отъ Урала до Алтайскихъ горъ, заняты кочевыми племенами, которыя называютъ себя „казаками“, а русскіе называли ихъ „киргизъ-кайсаками“ или просто „киргизами“.

Эти кочующіе народы принадлежатъ къ тюрко-татарской отрасли монгольской расы и дѣлятся на три орды: Большую (Улькенъ-джузъ), Среднюю (Урта-джузъ) и Малую (Кши-джузъ). Большая орда лежитъ между Балкашемъ и Исыкъ-Кулемъ, Средняя — между Балкашемъ и Омскомъ, Малая (собственно говоря, — самая большая) занимаетъ земли на западъ отъ первыхъ двухъ. Орды эти кочуютъ въ своихъ степяхъ съ давнихъ поръ; онѣ долго оставались въ своихъ земляхъ и не подвергались чужеземному вліянію. Въ степяхъ имъ не жилось спокойно. Вольныя шайки киргизъ, подъ предводительствомъ какаго-нибудь „батыра“ — удальца, живо появлялись въ окрестностяхъ пограничныхъ се-

леній средне-азиатскихъ и русскаго государствъ, угоняли скоть, грабили купеческіе караваны, шедшіе въ Россію или изъ Россіи; такимъ образомъ сосѣднія государства часто не имѣли отъ нихъ покоя.

Таковъ былъ безпокойный духъ киргизъ еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Въ настоящее время киргизы, умиротворенные русскимъ оружіемъ, живутъ тихо и считаются вѣрно-подданными Россіи.

Одна изъ главныхъ задачъ Россіи въ отношеніи къ туземному населенію Туркестана вообще и къ киргизамъ въ частности состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить ихъ европейской наукой, сблизить съ русскимъ духомъ, возбудить въ нихъ симпатію къ русскимъ и, такимъ образомъ, сдѣлать изъ нихъ такихъ-же вѣрныхъ сыновъ Россіи, какъ и сами русскіе. Въ этомъ отношеніи знакомство съ бытомъ и нравами туземцевъ должно представлять для русскихъ весьма важный интересъ. Поэтому считаю не бесполезнымъ подѣлиться съ русскою публикой нѣкоторыми свѣдѣніями о бытѣ и нравахъ киргизъ.

При этомъ я долженъ сказать, что, сообщая эти свѣдѣнія, я имѣю въ виду только киргизъ малоордынцевъ Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ (*), такъ какъ въ обычаяхъ малоордынцевъ,

(*) Перовскій и Казалинскій уѣзды входятъ въ составъ Сыръ-Дарьинской области и расположены по обѣимъ сторонамъ рѣки Сыръ-Дарьи вплоть до песковъ Кара-Кума.

большеордынцевъ и среднеордынцевъ существуетъ нѣкоторая разница.

Монгольскій типъ всякаго киргиза характеризуется слѣдующими чертами. Представьте себѣ человека средняго роста, широкоплечаго, плотнаго, съ широкимъ лбомъ, слегка выдающимися скулами, съ бритой головой, съ рѣдкою растительностью на верхней губѣ и на подбородкѣ и съ косо лежащими глазами, и вы будете имѣть нѣкоторое представленіе о внѣшнемъ видѣ киргиза. По натурѣ онъ флегматиченъ и вялъ, въ движеніяхъ медленъ, крайне неуклюжъ и неповоротливъ. Ноги киргиза выгнуты, такъ какъ онъ чуть не цѣлую жизнь проводитъ въ сѣдлѣ. Женщина киргизская также имѣетъ кривыя ноги, проводя всю свою жизнь въ переѣздахъ съ одного мѣста на другое во время кочевокъ.

Въ одеждѣ киргизъ невзыскателенъ. Въ кибиткѣ его вы не встрѣтите особаго комфорта, и нарядъ его также не комфортабеленъ. Только въ последнее время нѣкоторые изъ киргизъ стали заимствовать отъ татаръ нѣкоторую щеголеватость въ костюмѣ. Въмѣсто обыкновеннаго и общепринятаго халата, легко и свободно охватывающаго весь станъ киргиза, стали теперь появляться казакины и укороченный халатъ въ видѣ европейскаго пальто, хотя съ длинными рукавами, замѣняющими русскія рукавицы во время холода и перчатки богатыхъ татаръ. Киргизъ поверхъ тѣла надѣваетъ длинную

рубаху съ широкимъ воротомъ, завязывающимся тесемкою. Рубаха эта очень широка, такъ что свободно можно въ нее помѣстить по крайней мѣрѣ два туловища человѣка. Длина рубахи достигаетъ до колѣнъ. Рубахи эти дѣлаются изъ покупнаго ситца всевозможныхъ рисунковъ и цвѣтовъ, а также изъ маты, — грубаго полотна изъ ваты мѣстнаго приготовленія. Широкіе штаны, чисто Гоголевскаго сравненія съ Чернымъ моремъ, дополняютъ нижнее бѣлье киргиза. Въ холодное время года поверхъ этихъ штановъ надѣваются, такъ называемыя, шаровары, сшитыя изъ бараньихъ овчинъ или же изъ выдѣланныхъ шкуръ, окрашенныхъ въ разные цвѣта. Нѣкоторые франтоватые киргизы покупаютъ шаровары, вышитыя шелками съ разными рисунками. Сверхъ рубашки киргизъ надѣваетъ бешметъ или камзолъ, очень похожій на одежду русскихъ кучеровъ безъ рукавовъ. Наконецъ киргизъ даетъ себѣ волю надѣть подрядъ нѣсколько халатовъ и въ праздничные дни представляетъ изъ себя въ полномъ смыслѣ халатника. Первый экземпляръ халата дешевый, второй подороже суконный, далѣе шелковый и т. д., а если киргизъ удостоенъ почетнаго халата, выдаваемого начальствомъ, то и этотъ съ позументами, парчевый или бархатный халатъ (*) довершаетъ праздничный нарядъ киргиза и обнаруживаетъ его полное довольство. Въ обыкновенное время киргизъ

(*) Эти наградные халаты бываютъ трехъ степеней.

Носить только одинъ халатъ, который подпоясывается кожанымъ кушакомъ съ серебряными бляхами. Этотъ поясъ очень похожъ на пояса русскихъ кучеровъ съ тою только разницей, что съ лѣваго боку привѣшивается въ ножнахъ ножъ, предметъ первой необходимости въ жизни киргиза. Этимъ ножомъ киргизъ рѣжетъ барана, сдираетъ шкуру съ него; этимъ ножомъ онъ разрѣзаетъ сваренное и жареное мясо на куски; этимъ же ножомъ онъ производитъ всѣ подѣлки несложнаго своего хозяйства, а въ случаѣ опасности и ссоры этотъ ножъ замѣняетъ ему кинжалъ черкеса и вообще холодное оружіе восточнаго человѣка. На томъ же кожаномъ поясѣ, рядомъ съ ножомъ, привѣшивается кошелекъ (ксе) съ необходимыми принадлежностями туалета (гребешокъ для бороды и усовъ, зубочистка и т. п.) и огниво (шакбакъ-тазъ), которымъ высѣкается изъ кремня огонь, такъ какъ въ степи не скоро найдешь спичекъ, а хранить эти спички степному человѣку крайне неудобно. На головѣ киргизъ носитъ легкую барашковую или лисью шапку съ полями, загнутыми вверхъ. Въ зимнюю пору киргизъ дополняетъ свой костюмъ тѣмъ, что надѣваетъ нагольный бараній, лисій или волчій тулупъ, покрытый сукномъ. Головной уборъ, кромѣ барашковой шапки, еще увѣнчивается такъ называемымъ „тумакомъ“, — шапкой съ полями, загнутыми спереди вверхъ, а сзади и по сторонамъ опущенными внизъ. Наконецъ, обувь для киргиза служатъ сапоги, сшитые изъ толстой, лошадиной кожи, приготовленной прими-

тивнымъ способомъ. Сапоги эти шьются такимъ образомъ, чтобы можно было ногу, обернутую въ толстую шерстяную портянку (байтаба), сверхъ которой надѣваются кошемные онучи или паленки, всунуть въ эту богатырскую обувь. Киргизы же состоятельные и имѣющіе постоянныя сношенія съ татарами и сартами въ городахъ носятъ ичиги съ калошами (кебистъ).

Женскій костюмъ очень сходенъ съ мужскимъ: тѣ-же большіе сапоги, тѣ-же ичиги съ калошами, какіе мы видѣли у мужчинъ; длинная до пятъ рубашка, сшитая изъ матеріи, окрашенной въ яркіе цвѣта и преимущественно въ красный, закрываетъ станъ киргизки. Зимою киргизки надѣваютъ полушубки. Свои головы онѣ обертываютъ большимъ бѣлымъ платкомъ (джавлыкъ). Дѣвѣцы покрываютъ головы краснымъ платкомъ, а иногда носятъ бобровую шапку. Въ первые дни замужества молодухи носятъ оригинальный головной уборъ—саукелѣ. Саукелѣ представляетъ собою почти цилиндрической колпакъ длиною приблизительно въ одинъ аршинъ и разукрашенный серебряными и золотыми бляхами, жемчугомъ, кораллами и другими драгоценными камнями. Киргизскія женщины убираютъ свою голову въ двѣ косы, спускающіяся на спину; дѣвушки заплетаютъ волосы въ многія косички, которыя висятъ у нихъ по плечамъ и по спинѣ. Косы украшаются серебряными монетами; у киргизокъ часто можно видѣть на рукахъ браслеты, на пальцахъ кольца, въ ушахъ большія серьги. Вообще киргизскія женщины очень любятъ носить

вѣ эти украшенія. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что киргизъ и киргизка носятъ при себѣ зашитую въ трехугольные или цилиндрическіе мѣшочки молитву; это—амулетъ, который можетъ предохранять человѣка отъ всякаго несчастья.

Жилищемъ киргизъ служитъ подвижная кибитка. Она состоитъ изъ рѣшетокъ (керегэ), составляющихъ основу ея, и изъ выгнутыхъ палокъ (уукъ). Ууки однимъ концомъ привязываются къ рѣшеткамъ, а другимъ вставляются въ отверстіе „чанграка“, который есть не что иное, какъ большое колесо съ перекрестными выгнутыми къ верху радіусами. Отверстіе двери ограждено „табалдырыкомъ“ (порогъ), „мангъ-дайшою“ (верхняя перекладина) и двумя стойками „бусага“; къ этимъ стойкамъ у богатыхъ киргизъ привѣшиваются двухстворчатые дверки съ узорной рѣзбою. Число рѣшетчатыхъ полотень (капаты) для одной кибитки бываетъ отъ четырехъ до восьми штукъ. Рѣшетчатый деревянный остоѵ кибитки снаружи облекается кошмами и обтягивается, какъ бы опоясывается, шерстяными тесьмами. Между кошмой и рѣшеткой помѣщается внизу кибитки цыновка, сдѣланная изъ „чія“ и протканная узорчатыми разноцвѣтными шерстяными нитками. Дверь снаружи закрывается чіевой цыновкой, обшитой кошмою. Полъ внутри кибитки застилается кошмами, коврами и ватными одѣялами; по бокамъ ставятся сундуки, чемоданы и „кебедже“ (ящики); по сторонамъ привѣшивается оружіе, какъ-то: сабля, топоръ съ длинной рукояткой (айбалта), ружье, конская сбруя, полотенце и проч. Такія

незатѣйливыя жилища въ полчаса разбираются и перевозятся съ одного на другое мѣсто на верблюдахъ.

Пища киргизъ главнымъ образомъ состоитъ изъ мяса бараньяго, лошадинаго, козлиного и рѣдко верблюжьяго. Изъ бараньяго молока киргизки приготавливаютъ: „иримчикъ“ (сладкій сыр), „куртъ“ (сушеный въ круглыхъ комкахъ творогъ) и „айранъ“ (смѣсь кислаго молока съ водою), пріятный и освѣжающій напитокъ. Изъ лошадинаго молока, какъ извѣстно, киргизъ приготавливаетъ кумысъ. Изъ растительной пищи въ большомъ количествѣ киргизы употребляютъ „куджу“. Куджа есть жидкая пшеничная или просяная каша, забѣленная молокомъ или раствореннымъ въ водѣ куртмъ. Она вкусна и питательна. Изъ пшеничнаго тѣста приготавливается „баурсакъ“ — шарики, жаренные въ салѣ.

Пища у киргизъ приготавливается въ чугунномъ котлѣ, который стоитъ посреди кибитки на таганѣ (очагѣ). Все сваренное въ этомъ котлѣ выливаютъ въ деревянное блюдо (тавакъ) большою деревянною ложкою (чумучъ). Это блюдо ставится на полъ, и домочадцы садятся ѣсть. Вилки и ножи въ поминѣ нѣтъ, а если нужно рѣзать мясо, киргизъ вынимаетъ ножъ изъ-за пояса и разрѣзываетъ его на куски. Въ рѣдкой кибиткѣ найдется достаточное количество посуды, и женщины бываютъ принуждены занимать ее другъ у друга. Только въ каждой кибиткѣ непременно есть чугунный котелъ, одно—два блюда и разливательная ложка.

Киргизы, какъ и всякій пастушескій народъ, зависятъ въ своемъ существованіи отъ скота. Скотъ доставляетъ матеріалъ для жилища (кибитокъ), одежды, пищи, а также служитъ предметомъ торговли. Отсюда весьма понятно, что киргизъ долженъ заботиться о прокормленіи своего скота. Въ силу этой необходимости и потребности киргизы часто принуждены переселяться съ мѣста на мѣсто, т. е. перекочевывать. Большія перекочевки киргизъ совершаются обыкновенно весною и осенью, когда степи бываютъ покрыты зеленой травой; лѣтомъ же и зимою по большей части киргизы остаются на одномъ мѣстѣ, изобилующемъ кормомъ и водою.

Съ наступленіемъ весны, какъ только снѣгъ стаетъ и въ степи начинаетъ появляться зеленая трава, киргизы начинаютъ уже приговляться къ перекочевкѣ; по вечерамъ они собираются въ кибитку уважаемыхъ своихъ одноаульцевъ и, усаживаясь вокругъ горящаго очага, рѣшаютъ, куда направить свой скотъ и самихъ себя на лѣтнія кочевки. Тутъ около очага, въ ожиданіи предвкушаемаго счастья жить среди зеленыхъ степей, раскрываются уста ихъ и въ веселой рѣчи забываются всѣ ужасы холода и голода, которые причинила имъ зима. Но вотъ уже степи покрылись зеленымъ ковромъ! Киргизы готовы къ перекочевкѣ. Въ одинъ изъ „счастливыхъ дней“ (саатъ-кунъ), по совѣту стариковъ, всѣ кибитки аула (ауль есть совокупность нѣсколькихъ кибитокъ) живо разбираются и навьючиваются на верблюдовъ; маленькія дѣти усаживаются въ „кебеджу“—ящикъ, привѣшиваемый

на спину верблюдовъ,—и все разомъ двигается въ путь. Блеяніе овецъ, ржаніе лошадей, крикъ пастуховъ,—все это сливается вмѣстѣ, и степь послѣ зимней спячки какъ-бы пробуждается. Стада скота обыкновенно гонять впереди. Мужчины и женщины верхами сопровождаютъ весь поѣздъ. Юноши и дѣвицы въ самыхъ лучшихъ костюмахъ верхомъ носятъ по привольной степи, догоняя другъ друга.

Передъ закатомъ солнца весь караванъ со стадами скота останавливается около озеръ, рѣчекъ и колодцевъ и живо вырастаютъ кучки кибитокъ. Здѣсь аулъ будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока хватитъ корму для стадъ и табуновъ. Когда же травы оказывается мало, киргизы свертываютъ свои кибитки, укладываютъ ихъ на верблюдовъ и перебираются въ другія мѣста.

Весною въ степяхъ зеленыя пастбища съ пасущимися на нихъ стадами тянутся на большія пространства. Но травы на этихъ пастбищахъ хватаетъ не на долго; скоро наступаетъ знойное лѣто: горячій воздухъ высушиваетъ траву, и эти зеленые пространства вянутъ и желтѣютъ. По этому киргизы для лѣтняго стойбища (джайлау) выбираютъ мѣста, изобилующія травой и водой. Когда наступаетъ осень, степь снова покрывается зеленью, и опять продолжается до зимы обратная переколка.

На кочевкахъ киргизы ничего не дѣлаютъ и всѣмъ излѣниваются. Въ обыкновенной киргизской жизни день проходитъ такъ: раннимъ утромъ въ

аулѣ прежде всего встають женщины и, подоивъ скоть передъ угономъ его на подножный кормъ, моють посуду, готовятъ кушанья, какъ то: айранъ, кумысъ, баурсакъ и проч. Дѣвушки носятъ воду, ткутъ тесьму; мальчики, по большей части, идутъ пасти скоть. Затѣмъ просыпаются сами киргизы. Позавтракавъ у себя, киргизы идутъ въ кибитку зажиточнаго сосѣда напиться любимаго кумыса и потолковать о чемъ нибудь. Или же они идутъ осматривать скоть и, наконецъ, съ беркутомъ отправляются на охоту, заѣзжаютъ въ сосѣдній аулъ, гдѣ встрѣчаютъ хорошее угощеніе кумысомъ и мясомъ.

Киргизы въ высшей степени гостепріимны. Гость—это „Божій гость“ (Кудай-кунакъ) и отказать ему въ приѣмѣ значило бы нарушить освященное вѣковымъ обычаемъ милосердіе и быть въ презрѣніи у своихъ одноаульцевъ.— „Кунаксызъ уйда кулкангъ булмасынъ“, говорятъ киргизы, что значитъ: не обращай съ просьбой въ тотъ домъ, гдѣ не бываетъ гостей. Кибитки киргизъ всегда открыты странникамъ, ищущимъ пріюта и гостепріимства. Пріютить и накормить странника составляетъ не только долгъ, но и честь для киргиза; „у кого ѣлъ хлѣбъ-соль одинъ день, тому кланяйся сорокъ дней“, говоритъ киргизская пословица. Киргизы привыкли смотрѣть на посѣщеніе гостей, какъ на обыкновенное явленіе: какъ только гости приблизились къ кибиткѣ, на встрѣчу имъ выбѣгаютъ хозяинъ, его дѣти, одноаульцы и, обмѣнявшись словами: „саямъ алайкумъ“ (миръ вамъ! здравствуйте) „алай-

кумъ ассалямъ“ (миръ и вамъ! будьте и вы здоровы), помогаютъ гостямъ слѣзать съ лошади, подбѣгаютъ къ почетнымъ гостямъ и подаютъ имъ руки, обнимаясь, прижимаются другъ къ другу плечами, сначала лѣвымъ, а потомъ правымъ. Женщины привѣтствуютъ гостей присѣданіемъ и наклоненіемъ головы. Затѣмъ гостей приводятъ въ кибитку. Самый почтенный гость занимаетъ средину кибитки (тѳръ), за нимъ усаживаются другіе гости, смотря по достоинству. — Гости усѣлись; начинаются разные разспросы: „маль, джанынгызъ аманъ ба?“ — или „есенбе?“ (ваши скотъ и душа здоровы ли?) „не иситибъ, не бильдингизъ?“ (что новаго?), и завязывается самый оживленный разговоръ о всѣхъ новостяхъ, какія только кому изъ нихъ удалось узнать.

Спустя нѣкоторое время хозяинъ или его сынъ вводитъ въ кибитку барана, назначеннаго для угощенія гостей, и, держа его за шею, проситъ „бату“ (благословеніе, молитва). „Аглаги ауминъ“ — (Богъ истиненъ) говоритъ онъ. Тогда самый старшій (по лѣтамъ) изъ гостей складываетъ обѣ руки, протянутыя ладонями вверхъ, и читаетъ (бату) молитву съ пожеланіемъ всего хорошаго. Послѣ баты барана уводятъ рѣзать.

Скоро слуга хозяина подаетъ большое деревянное блюдо (самаръ) съ кумысомъ, ставитъ его посреди кибитки и начинаетъ переливать кумысъ большою ложкою въ то-же блюдо; переливаніе это охлаждаетъ кумысъ и придаетъ ему пріятный вкусъ. Достаточно переливши, слуга наполняетъ неболь-

шую деревянную чашку кумысомъ и передаетъ ее самому почетному гостю, затѣмъ уже—слѣдующимъ. Чашка обходитъ всѣхъ гостей по нѣскольку разъ. Случается, что въ это время набирается еще нѣсколько новыхъ гостей. Идетъ опять угощеніе кумысомъ. Иногда съ нѣкоторыми упившимися гостями случается рвота, но это не мѣшаетъ общему удовольствію и аппетиту и считается доказательствомъ широкаго гостепріимства хозяина.

Когда пища изъ зарѣзаннаго барана готова, тогда слуга хозяина подаетъ гостямъ воду мыть руки и разстилаетъ передъ ними дастаръ-ханъ (скатерть, а отсюда—и все то, что на скатерти положено для угощенія). Передъ ѣдою опять читается бата, и гости по два—по три усаживаются вокругъ деревянныхъ блюдовъ, наполненныхъ кусками баранины, сала и „салмы“ (родъ лапши). Почетный гость, кромѣ того, получаетъ варенную голову зарѣзаннаго барана; почти половину мяса этой головы онъ самъ съѣдаетъ, а остальное передаетъ хозяину или своему сосѣду. Кушанье это называется „бесбармакъ“, что значить пять пальцевъ, такъ какъ его ѣдятъ прямо руками.

Наѣвшись досыта, гости начинаютъ угощать остатками отъ стола прислуживающихъ имъ хозяйскихъ одноаульцевъ, прислугу, дѣтей, которые собираются около кибитки цѣлою толпой, и, главное, самого хозяина. Этотъ обычай называется „асату“ (отъ глагола асатмакъ—кормить, питать) и происходитъ такъ: гости, взявъ на руки куски мяса, сала и салмы, подзываютъ хозяина дома или когонибудь

другого и всовываютъ все это ему въ ротъ; подзываемый не можетъ отказаться отъ такого угощенія; въ противномъ случаѣ онъ обидитъ угощающаго его. Только въ крайнемъ случаѣ этикетъ дозволяетъ ему положить мясо на руки.

Послѣ мяса гостямъ подаютъ „сорпу“ (бульонъ) въ „тустаганахъ“ (небольшая деревянная чашка). Послѣ сорпы читается бата и всѣ, вымывъ руки и погладивъ себя по бородѣ со словами „Алла-акбаръ“ (Богъ великъ), встаютъ, выражая, что имъ теперь пора домой. Хозяинъ извиняется передъ гостями въ томъ, что онъ не знаетъ, хорошо-ли принялъ и угостилъ ихъ. Одноаульцы, дѣти хозяина подводятъ гостямъ ихъ лошадей и помогаютъ садиться на нихъ. Самъ же хозяинъ помогаетъ садиться на лошадь только почетному гостю. Поблагодаривъ и простившись съ хозяиномъ, гости спѣшатъ въ свои аулы, при чемъ на нѣкоторое разстояніе отъ аула ихъ провожаетъ самъ хозяинъ или его сынъ.

Къ вечеру, когда скотъ пригоняется домой, аулъ оживляется. Женщины и дѣвушки идутъ къ своимъ стадамъ и начинаютъ доить. Подоивъ и убравъ скотъ, онѣ принимаются за приготовленіе ужина.

Вечерняя прохлада вызываетъ всѣхъ изъ кибитокъ на свѣжій воздухъ. Всѣ родственники, сосѣди собираются и сходятся въ кружки. Начинается оживленный разговоръ о разныхъ новостяхъ дня. Сюда изъ ближайшихъ кибитокъ выносятъ кумысъ, которымъ всѣхъ угощаютъ. Особенно киргизы въ

вечерніе часы находятъ большое удовольствіе въ пѣсняхъ. Въ каждомъ почти аулѣ можно найти „думбру“ — двухструнный инструментъ, подъ аккомпаниментъ котораго киргизы поютъ свои пѣсни. Сидя въ кружкѣ и притаивъ дыханіе, слушаютъ киргизы пѣсни о славныхъ „батырахъ“ стараго времени. Пѣсни эти трогаютъ ихъ за сердца, будятъ въ нихъ бодрость, отвагу и заставляютъ ихъ забыть на время и горе, и печаль.

Молодые киргизы и киргизки иногда въ лунную ночь забавляются игрою въ „акъ-суекъ“ (бѣлая кость). Сущность этой игры состоитъ въ слѣдующемъ: играющіе раздѣляются на двѣ партіи, и одни изъ партіи бросаютъ далеко кость. Обѣ партіи идутъ отыскивать ее. Если одинъ изъ играющихъ найдетъ кость, то онъ долженъ дать знать объ этомъ другимъ и бѣжать до мѣста. Всѣ бросаются за нимъ отнимать у него кость. Если послѣдній благополучно добѣжитъ съ костью до мѣста, то одинъ изъ противной партіи долженъ пропѣть нѣсколько куплетовъ пѣсенъ. Иногда молодые люди обоого пола забавляются вечеринкою „кизь-уйнакъ“ (дѣвичья игра), гдѣ поютъ пѣсни, загадываютъ загадки и рассказываютъ смѣшныя исторіи. Разговоры, пѣсни и игры, продолжаются до полуночи, послѣ которой киргизы ложатся спать.

Такъ проходитъ праздная жизнь киргизъ на кочевкахъ.

Поздней осенью, съ наступленіемъ заморозковъ, киргизы возвращаются въ свои зимовки (кыстау), расположенныя по близости рѣкъ и камышевыхъ

зарослей, нѣсколько смягчающихъ суровые зимніе бураны степей. Для предохраненія своихъ стадъ отъ бурановъ киргизы строятъ загородки (кора) изъ камыша, которымъ обставляютъ также и свои кибитки. Несмотря на недостатокъ теплой одежды, киргизы прекрасно выдерживаютъ самый страшный холодъ.

Главное развлеченіе киргизъ зимою составляетъ травля дикихъ звѣрей и въ особенности волковъ, лисицъ, доставляющихъ для полушубка и шапки теплые мѣха. Впрочемъ, этихъ звѣрей ловятъ и капканами.

II.

Свадьба и ея обряды.

Браки у киргизъ заключаются большею частью по выбору родителей и родныхъ, а не по обоюдной склонности жениха и невѣсты. Впрочемъ, это происходитъ отъ того, что киргизы сватаютъ для своихъ дѣтей невѣсть очень рано, когда дѣти не имѣютъ къ тому никакой правоспособности. Нерѣдко 2-хъ или 3-хъ лѣтній мальчикъ имѣетъ уже невѣсту; на 12—15 году жизни онъ уже женатъ законнымъ бракомъ.

Прежде чѣмъ сосватать невѣсту своему сыну, киргизъ со своими родными составляетъ „мадж-лисъ“,—совѣтъ о томъ, съ кѣмъ бы имъ породниться; для этого они наводятъ соотвѣтствующія

справки. При этомъ они принимаютъ во вниманіе во-первыхъ матеріальное состояніе отца невѣсты и во-вторыхъ его положеніе среди киргизскаго общества. Когда вопросъ, съ кѣмъ вступить въ родство, окончательно рѣшенъ, тогда отецъ жениха отправляетъ къ родителямъ невѣсты одного изъ своихъ родныхъ (онъ называется „джауши“ — вѣстникъ), чтобы онъ предварительно узналъ мнѣніе родителей невѣсты на счетъ возможности сдѣлать предложеніе о сватовствѣ. Если родители невѣсты согласны на его предложеніе, то сейчасъ же начинается сватовство. Отецъ жениха выбираетъ изъ своихъ близкихъ родственниковъ нѣсколько сватовъ (куда) и отправляетъ ихъ въ аулъ отца невѣсты. Число сватовъ бываетъ отъ 3-хъ до 9-ти. Пріѣздъ въ аулъ сватовъ называется „куда-тусеръ“. Послѣ обычныхъ угощеній начинается брачный договоръ сватовъ двухъ семействъ (т. е. жениха и невѣсты). Брачный договоръ ихъ заключаетъ въ себѣ условія о размѣрѣ калыма (выкупъ, вѣно), объ опредѣленіи времени, когда и какая часть калыма должна быть уплачиваема и когда должна состояться свадьба. Кромѣ того на этомъ договорѣ опредѣляются размѣры расходовъ на веденіе свадьбы и разные подарки отъ жениха родителямъ невѣсты.

Размѣръ калыма зависитъ отъ состоянія вступающихъ въ родство семействъ. Для болѣе точнаго уясненія размѣра калыма, раздѣлимъ киргизъ, сообразно матеріальному ихъ состоянію, на три класса: богатые киргизы за невѣсту платятъ калымъ такъ называемый „крыкъ-джети“ (сорокъ

семь). Этотъ калымъ „ 47 “ распредѣляется на слѣдующія части и названія:

1) Басъ-джаксы (хорошее начало)—9 верблюдовъ.

2) Кулунды-біе (кобыла съ жеребенкомъ)—8 (шестнадцать головъ).

3) Кунанъ-кунаджинъ (жеребята и кобылы по 3-му году)—8 головъ.

4) Тай (жеребята по 2 году)—7 штукъ.

5) Джика-ту-бія—одна нѣсколько лѣтъ не жеребившаяся кобыла.

6) Джанама-джаксы (душѣ угодно)—1 лошадь или верблюдъ, по выбору, и въ придачу одна какая либо лошадь (тусъ-атъ).

7) Аякъ-джаксы (хорошій конецъ)—1 верблюдъ, 1 лошадь, 1 корова и въ придачу оружіе.

Размѣръ калыма средняго класса колеблется между 27-ю и 37 головами скота.

Наконецъ бѣдный классъ народа платитъ такъ называемый „дунгелекъ калымъ“ (круглый), отъ 7 до 9 головъ скота; но въ сущности этотъ калымъ крайне неопредѣлененъ и часто обходится безъ всякихъ подарковъ съ той и другой стороны.

Здѣсь нужно замѣтить, что при заключеніи условія о калымѣ иногда лошади и верблюды замѣняются баранами: вмѣсто одной лошади или верблюда дается шесть или восемь барановъ.

Для утвержденія брачнаго договора читается „бата“. Въ обезпеченіе исполненія договора со стороны жениха дается отцу невесты залогъ скотомъ.

Когда брачный договоръ окончательно утвер-

жденъ, въ аулѣ невѣсты начинается „той“ (пиръ) и разныя увеселенія: борьба, скачка и проч.

Говоря о сватовствѣ, нельзя пройти молчаніемъ совершающагося въ этотъ день особенно характернаго обычая киргизъ, игры аульныхъ женщинъ со сватами; игра эта называется „куда-тартысъ“, что значитъ теребить сватовъ, и происходитъ такъ: по окончаніи брачнаго договора въ кибитки сватовъ, наслаждающихся бесѣдой, вдругъ врывается цѣлая ватага аульныхъ женщинъ съ крикомъ: „куда тартысъ“! Безъ всякаго разговора бросаются онѣ на сватовъ и начинаютъ продѣлывать надъ ними разныя непристойныя шутки. Такъ напримѣръ: эти женщины надѣваютъ на свата длинный цилиндрическій колпакъ, сдѣланный на скорую руку для этой цѣли изъ старой кошмы и называемый „кінзъ-саукалэ“ (кошечный саукалэ); потомъ лицо свата чернятъ сажей или намазываютъ глиной; иногда одежду свата обливаютъ мучною болтушкой (быламыкъ). Въ такомъ видѣ его выводятъ изъ кибитки, сажаютъ на быка задомъ напередъ и, на посмѣшище народа, водятъ по аулу. Эти веселыя женщины прибѣгаютъ еще и къ другого рода шутливымъ продѣлкамъ. Такъ, онѣ выводятъ иногда бѣднаго свата изъ кибитки, сажаютъ его на большой коверъ и, разомъ ухватившись за края ковра, начинаютъ съ жаромъ подбрасывать вверхъ. Только по временамъ изъ устъ свата вылетаютъ отрывочныя фразы, умоляющія женщинъ освободить его отъ такого наказанія. „Ага! легко-же ты думалъ получить чужую дочь?“ визжать онѣ, зали-

ваясь смѣхомъ. Иногда же несчастнымъ свѣтамъ достается отъ расхोдившихся не въ мѣру женщинъ и довольно чувствительно. Такъ напр. они за ноги свата привязываютъ арканъ, одинъ конецъ котораго забрасываютъ черезъ „чангракъ“ (отверстіе на верху кибитки), поднимаютъ свата за ноги и, держа его вверхъ ногами, все время теребятъ его. Сваты отъ такихъ наказаній женщинъ избавляются не иначе, какъ подарками. Во время такой возни и сваты тоже позволяютъ себѣ разныя вольности по отношенію къ женщинамъ. Такого рода непристойности продолжаются довольно долго.

На другой день по утру отецъ невѣсты одариваетъ уѣзжающихъ сватовъ подарками (кіитъ), которые состоятъ изъ верблюдовъ, лошадей и разнаго рода одеждъ и распределяются между ними по степени ихъ достоинства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ офіціального сватовства, по приглашенію „куда шакруше“ (сватовъ приглашателей), нѣсколько сватовъ со стороны невѣсты отправляются въ аулъ отца жениха за полученіемъ условной части калыма и „кіитъ“. Послѣдній по цѣнности бываетъ ниже, чѣмъ полученный отъ отца невѣсты, такъ какъ отцу жениха приходится уплачивать калымъ. Пріѣздъ сватовъ отъ нареченнаго тестя въ аулъ жениха тоже называется „куда тусерь“. Число сватовъ со стороны невѣсты бываетъ однимъ человекомъ меньше, чѣмъ со стороны жениха. Въ аулѣ жениха по пріѣздѣ сватовъ устраиваются разныя увеселенія. На слѣдующій день утромъ производится уплата сватамъ

условной части калыма „маль-беру“ (отдача скота). Уплата калыма начинается обыкновенно съ барановъ, потомъ верблюдовъ и наконецъ лошадей. При отдачѣ скота женщины и пастухи получаютъ отъ сватовъ подарки „кусакъ-бау“ (подарокъ женщинамъ за веревку для привязыванія барановъ) и „курукъ-бау“ (за ловлю лошадей—пастухамъ). При отѣздѣ сватовъ отецъ жениха приводитъ къ нимъ своего сына и получаетъ отъ нихъ „куау-курим-дикъ“, т. е. подарокъ за показъ жениха. Этотъ подарокъ равняется одной лошади. Обмѣнявшись такимъ образомъ подарками, родители ждутъ иногда нѣсколько лѣтъ свадьбы.

Въ случаѣ нарушенія брачнаго договора виновная сторона немедленно возвращаетъ противной сторонѣ всѣ полученные отъ нея подарки и, кромѣ того, платитъ штрафъ, состоящій изъ девяти предметовъ, начиная съ верблюда или лошади. Этотъ штрафъ носитъ названіе „тугузъ“ (девять).

Со времени заключенія брачнаго договора женихъ не долженъ показываться родителямъ невесты и ея близкимъ родственникамъ; невеста тоже должна соблюдать обычай этотъ въ отношеніи родителей и родственниковъ своего жениха. Уплативъ весь калымъ или извѣстную его часть, женихъ съ согласія своихъ родителей въ первый разъ ѣдетъ смотрѣть свою невесту. Первый пріѣздъ жениха въ аулъ невесты называется „урунь-кельди“ (тайный пріѣздъ) и сопровождается разными обрядами. Чтобы не быть замѣченнымъ родителями и родственниками своей невесты, женихъ старается

прибыть въ аулъ вечеромъ, когда стемнѣетъ, причемъ онъ не прямо прїѣзжаетъ въ аулъ, а оставливается на нѣкоторомъ отъ него разстояніи и посылаетъ одного изъ своихъ „кусу-джулдасовъ“ (спутниковъ), который и даетъ въ аулъ извѣстіе о прїѣздѣ жениха свахамъ. Получивъ извѣстіе о прїѣздѣ жениха, свахи и близкія родственницы невѣсты спѣшатъ къ нему на встрѣчу, чтобы пригласить его въ аулъ. Между тѣмъ группа аульныхъ женщинъ на скоро выставляетъ отдѣльную кибитку на значительномъ разстояніи отъ кибитки родителей невѣсты; въ эту кибитку свахи приводятъ жениха.—Какъ только жениха усадятъ, и онъ приведетъ свой туалетъ въ порядокъ, начинаютъ безцеремоннымъ образомъ требовать отъ него различныхъ подарковъ. Подарки эти состоятъ изъ разныхъ матерій, колець и т. п. вещей и имѣютъ разное значеніе. Такъ напримѣръ „шатръ байгазы“ подарокъ за труды женщинамъ, ставившимъ кибитку; „балдызъ курумдыкъ“ — подарокъ за показъ свояченицы и проч. Одаривъ женщинъ, женихъ посылаетъ родителямъ невѣсты подарки за воспитаніе дочери и между прочимъ матери невѣсты за кормленіе ее грудью (суть аки) одного верблюда и одинъ коверъ. Получивъ подарки и угостивъ жениха, свахи поздно вечеромъ приговляютъ для молодыхъ людей постель на лѣвой сторонѣ при входѣ въ кибитку отца и матери. Какъ только родители невѣсты уснутъ или, скорѣе, притворятся спящими, одна изъ свахъ вводитъ жениха въ кибитку, гдѣ на постелѣ за занавѣсою ждетъ его не-

вѣста; здѣсь то и происходитъ первое свиданіе жениха съ невѣстою. Это первое свиданіе жениха съ невѣстою въ кибиткѣ отца ея называется „исикъ-ачу“ (отворить дверь) и сопровождается разными подарками: „исикъ-ачаргъ“ — подарокъ за входъ въ кибитку; „тусекъ-саларъ“ за приготовленіе постели и проч. Рано утромъ женихъ оставляетъ свое ложе, чтобы не быть замѣченнымъ родителями невѣсты.

Со времени совершенія „исикъ-ачу“ начинаются ночныя посѣщенія женихомъ невѣсты. Свиданія молодыхъ людей происходятъ тайно отъ родителей невѣсты въ отведенной имъ при посредничествѣ свахъ кибиткѣ. Впрочемъ, свахи иногда просятъ у матери невѣсты позволеніе отпустить дочь къ жениху. Такія посѣщенія женихомъ невѣсты называются „калынгдыкъ-уйнау“, что значитъ игра съ невѣстой.

Иногда бываетъ, что родители невѣсты подъ различнымъ предлогомъ откладываютъ свадьбу на достаточно долгое время, и нетерпѣливый женихъ въ одно изъ такихъ посѣщеній тайно увозитъ свою невѣсту къ себѣ въ аулъ и сочетается законнымъ бракомъ съ невѣстою безъ согласія родителей ея. Съ жениха при этомъ не взыскивается никакого штрафа; родители невѣсты получаютъ неуплаченную часть калыма и слѣдующіе имъ отъ жениха подарки. Впрочемъ, похищеніе это часто дѣлается не столько изъ нетерпѣливости жениха, сколько изъ желанія сократить расходы на излишнія пиршества.

Если женихъ умретъ, то его братъ имѣетъ полное право жениться на его невѣстѣ. Точно

также братъ покойнаго можетъ жениться на его вдовѣ. Вдова не имѣетъ права вступить во второй бракъ съ чужимъ человѣкомъ безъ согласія семейства покойнаго жениха: въ этомъ случаѣ второй мужъ долженъ заплатить семейству перваго жениха часть ея калыма. Въ случаѣ же смерти невѣсты женихъ можетъ жениться на ея сестрѣ.

День свадьбы приближается. Женихъ, хорошо принарядившись, въ сопровожденіи нѣсколькихъ близкихъ своихъ родственниковъ и друзей отправляется въ аулъ къ своему будущему тестю за окончательнымъ полученіемъ невѣсты. На этотъ разъ женихъ везетъ съ собою неуплаченную часть калыма, — кошмы для новой невѣстиной кибитки (утау), „туйманъ аякъ джаксы“ — скоть для угощенія присутствующихъ на свадьбѣ гостей и разные подарки родственникамъ невѣсты: „джиртысъ“ (нѣсколько аршинъ ситцу или нѣсколько платковъ), „джингетай“ — двухгодовалаго жеребенка сестрѣ матери невѣсты и проч.

Въ это время къ невѣстѣ приходятъ подружки ея дѣтства и начинаютъ пѣть съ нею заунывныя пѣсни, въ которыхъ говорится о предстоящей разлукѣ, о радостяхъ, которыя онѣ дѣлили вмѣстѣ и т. п.; затѣмъ невѣста вмѣстѣ съ подругами идетъ въ аулъ прощаться съ родными и знакомыми.

За день, два или три до свадьбы въ аулъ невѣсты стекаются со всѣхъ сторонъ ея родные, знакомые и незнакомые; „гдѣ свадьба, туда катится и мертвая голова“, говоритъ киргизская посло-

вица. Съ того же дня начинается „той“ — свадебное пиршество. Вдаваться въ подробности „той“ я не буду; скажу только, что свадебное пиршество у киргизъ состоитъ въ угощеніи гостей, байгахъ (конская скачка съ призами), въ борьбѣ—(куресъ) и пѣсняхъ (уленгъ).

Вечеромъ въ ночь бракосочетанія (бракъ у киргизъ обыкновенно совершается вечеромъ) невѣста по наученію свахъ и подругъ изъ родительской кибитки переходитъ въ кибитку одного изъ одноаульцевъ, что называется „кизь-качаръ“, или правильнѣе „кизь-качу“ (бѣгство дѣвушки). Кизъ-качу устраивается для того только, чтобы получить съ жениха еще новые подарки. Свахи и аульные женщины, получивъ подарки отъ жениха за выдачу невѣсты, бросаются въ ту кибитку, куда скрылась невѣста; невѣсту защищаютъ дѣвицы и часть молодежи, а сторона жениха старается отнять ее у нихъ силой; начинается состязаніе — „тартысь“. Тартысь продолжается довольно долго. Верхъ, конечно, остается на сторонѣ жениха. Невѣсту приносятъ тогда на коврѣ въ отцовскую кибитку. Хозяинъ кибитки, гдѣ скрывалась невѣста, получаетъ подарокъ отъ отца ея.

Поздно вечеромъ по окончаніи тартыса совершается обрядъ бракосочетанія. Обрядъ бракосочетанія весьма простъ: въ кибиткѣ, гдѣ и происходитъ бракосочетаніе, присутствуютъ родители невѣсты, мулла, родственники и знакомые жениха и невѣсты; невѣста сидитъ за занавѣской въ кругу своихъ подругъ, а женихъ внѣ кибитки про

тивъ того мѣста, гдѣ сидитъ невѣста. Предъ муллою ставится чашка съ водою. Мулла тутъ прочитываетъ молитву и спрашиваетъ поочередно черезъ двухъ „гуялекъ“ (свидѣтелей) молодыхъ людей, такимъ образомъ: „дочь такихъ-то (отецъ и мать невѣсты) согласна ли влѣйти замужъ за сына такого-то (отецъ жениха) и быть женою (имя жениха)?“ Отвѣтъ: „согласна!“ Такимъ же образомъ мулла обращается къ жениху и получаетъ отвѣтъ: „согласенъ, беру“. Получивъ утвердительный отвѣтъ, мулла даетъ молодымъ, а также и родителямъ невѣсты и всѣмъ присутствующимъ въ кибиткѣ, отпить изъ чашки воды. Этимъ оканчивается весь обрядъ. Послѣ этого свахи вводятъ жениха съ невѣстой въ приготовленную для нихъ кибитку — „утау“ и оставляютъ ихъ наединѣ. На другой день надѣваютъ на молодую, вмѣсто дѣвичьяго головного убора, головной уборъ замужней женщины и саукалэ. Отобѣдавъ у отца невѣсты, женихъ готовится къ отъѣзду домой, мать подводитъ къ дочери хорошаго иноходца съ дорогимъ уборомъ и помогаетъ ей сѣсть на него; затѣмъ, въ сопровожденіи матери или брата невѣсты, молодые отправляются въ аулъ отца жениха. Въ видѣ приданаго съ невѣстою возвращается къ мужу часть ея калыма, а именно: нѣсколько верблюдовъ съ выюками, состоящими изъ одной бѣлой кибитки „акъ-утау“, сундуковъ, ковровъ и прочихъ принадлежностей кибитки. Не доѣзжая до аула мужа, молодая сходитъ съ лошади, которую вмѣстѣ съ приданнымъ передаетъ мужу, а сама одна остается въ степи,

ожидаѣ прихода встрѣчающихъ аульныхъ женщинъ и дѣвицъ. По прїѣздѣ жениха въ аулъ, женщины и дѣвицы живо уставляютъ рядомъ съ кибиткой отца жениха новую кибитку невѣсты и спѣшатъ на встрѣчу молодой, чтобы привести ее въ аулъ. По прибытіи въ аулъ, она остается въ своей кибиткѣ около двухъ дней въ кругу аульныхъ дѣвицъ за занавѣской, никому не показываясь. На третій день начинаются смотрины молодой. Смотрины состоятъ въ томъ, что молодой открываютъ лицо и заставляютъ ее поклониться присутствующимъ въ кибиткѣ. Каждое открытіе лица молодой сопровождается импровизированными стихами, наставляющими ее въ томъ, какъ она должна вести себя въ аулѣ жениха. Въ заключеніе начинается „той“ — пиръ. Съ этого времени молодая вступаетъ въ роль замужней женщины.

Только богатые киргизы имѣютъ много женъ (не больше четырехъ по Корану), такъ какъ пріобрѣтеніе жены не дешево обходится. Обыкновенно первая жена „байбише“ считается главною хозяйкою дома, пользуется большими правами сравнительно съ другими женами, которыя должны во всемъ повиноваться ей, какъ матери. Этимъ поддерживается миръ домашняго очага.

На киргизской женщинѣ лежитъ очень много обязанностей. Она завалена домашними работами: она шьетъ одежду домочадцамъ, доитъ скотъ, навьючиваетъ и развьючиваетъ верблюдовъ и т. д. Но, не смотря на такое положеніе, киргизская женщина пользуется, какъ мы видѣли, широкою

свободю: она не закрываетъ своего лица отъ постороннихъ и отличается непринужденностью въ обращеніи съ ними. Женщина безпрепятственно допускается въ общество мужчинъ, принимаетъ участіе во всѣхъ народныхъ увеселеніяхъ, шутить, поетъ пѣсни, нисколько не стѣсняясь ни соплеменниковъ, ни чужеземцевъ.

Киргизы женятъ своихъ дѣтей по порядку старшинства. Женатый сынъ, получивъ свой „энчи“ (доля скота, выдаваемого отцомъ сыну при отдѣленіи его), живетъ самостоятельно, не имѣя почти ничего общаго съ родителями. Только самый младшій сынъ остается въ рукахъ родителей, имѣетъ съ ними одинъ общій котель и заботится о благополучіи ихъ на старости лѣтъ.

Для киргиза считается въ высшей степени обязательнымъ уваженіе къ лѣтамъ. „Если будешь почитать стариковъ, тебя Богъ почтетъ“ (Кемпиръ чалды силасангъ, сени Кудай силаръ), вотъ что внушаютъ родители своимъ дѣтямъ. Старики среди киргизъ пользуются огромнымъ значеніемъ и уваженіемъ: на семейныхъ совѣтахъ они имѣютъ преимущественное право голоса предъ всѣми остальными членами семьи. Когда старики входятъ въ кибитку, молодые встаютъ и привѣтствуютъ словами „саямъ-аляйкумъ“ и подаютъ имъ свои руки.—Въ присутствіи стариковъ шутки и забавы не допускаются.

III.

Обычаи и повѣрія, сопровождающіе роды киргизокъ. — Рожденіе ребенка, уходъ за нимъ. — Воспитаніе дѣтей. — Школа и ея вредное вліяніе на умственное и физическое развитіе учениковъ.

Когда у киргизки наступаетъ срокъ родовъ, мужъ даетъ знать старымъ бабкамъ и слывающимъ опытными въ дѣлѣ родовъ женщинамъ и предоставляетъ имъ ухаживать за больной. Мужескій полъ, кромѣ дѣтей, въ кибитку больной не допускается. Роды киргизки сопровождаются разными вредными обычаями. Такъ между прочимъ двѣ—три женщины держатъ роженицу подъ мышки въ прямомъ положеніи и, чтобы облегчить ей и ускорить разрѣшеніе, обыкновенно имѣютъ привычку встряхивать ее. Послѣ этого становится понятнымъ, что роженицы большей частью не выдерживаютъ этой операціи и падаютъ въ обморокъ.

У киргизъ существуетъ повѣрье, что при родахъ женщины злой духъ „албасты“ или „марту“ въ образѣ мальчика или дѣвочки съ огромными грудями, закинутыми черезъ плечо на спину, старается задушить роженицу. Для этого „албасты“ кладетъ свои груди на груди больной, и послѣдняя, падая подъ тяжестью ихъ, не въ состояніи дышать. Если не будутъ приняты мѣры къ отстраненію вліяній албасты на больную, то албасты вынимаетъ легкія у роженицы и спѣшитъ бросить

ихъ въ воду. Если легкія роженицы брошены въ воду, то ее оживить уже нельзя. И вотъ, когда роженица впадаетъ въ обморокъ, присутствующія при родахъ женщины поднимаютъ большой шумъ, думая, что къ роженицѣ приступилъ „албасты“. Въ защиту отъ такого враждующаго духа около головы роженицы втыкаютъ обнаженную шашку или привязываютъ филина; по мнѣнію киргизъ, филинъ—самый страшный врагъ албасты. Если всѣ эти мѣры не помогутъ больной, шлютъ за муллою или за „баксы“ (колдунъ, о которомъ рѣчь будетъ впереди). Приходитъ мулла, беретъ Коранъ и, прочитавъ какуюнибудь изъ его главъ, дуетъ въ лицо больной; потомъ кладетъ Коранъ у ея изголовья.—Приходитъ „баксы“; онъ, какъ бѣшен- ный, бросается въ кибитку, громко крича: „хей, хей, шига!“ (эй, выходи!) и начинаетъ бить по кибиткѣ нагайкой, чтобы выгнать албасты. Иногда онъ же въ кибитку стрѣляетъ изъ ружья. Бѣшен- ство баксы продолжается до тѣхъ поръ, пока не раздастся первый крикъ новорожденнаго и бѣдная мать не откроетъ глазъ.

Какъ только ребенокъ появляется на свѣтъ Божій, его моютъ въ соленой водѣ, одѣваютъ въ рубашку, затѣмъ завертываютъ теплымъ одѣяломъ, обматываютъ тесемкой и кладутъ около матери. Присутствующія женщины, посмотрѣвъ въ сторону новорожденнаго, плюютъ на полъ, приговаривая: „фу, дрянной мальчикъ!“ Это дѣлается для того, чтобы не сглазить ребенка. Киргизы между прочимъ предпочитаютъ рожденіе сына дочери. Ро-

жденіе сына, въ особенности перваго, составляетъ для родителей большое удовольствіе. Тотчасъ послѣ того, какъ появится на свѣтъ новорожденный, одна изъ присутствующихъ около больной женщины бѣжитъ къ отцу и родственникамъ съ пріятной вѣстью и получаетъ „суюнчи“ (подарокъ за радостное извѣстіе). На слѣдующій день послѣ рожденія ребенка устраивается „той“ и разныя увеселенія. Въ теченіе трехъ дней больную поспѣваютъ ея родственники и знакомые и проводятъ около нея цѣлые дни и ночи. Спустя недѣлю, новорожденного кладутъ въ люльку, что также сопровождается разными обычаями и небольшимъ празднествомъ (бесикъ-той), люльку обвѣшиваютъ амулетами (тумарь) и разнаго рода предметами, въ родѣ змѣиныхъ головокъ, перьевъ филина, мѣдныхъ монетъ, чтобы охранить младенца отъ вредныхъ вліяній злыхъ духовъ. Со дня рожденія ребенка до сорока дней мать купаетъ его въ соленой водѣ, мажетъ масломъ и упражняетъ его въ движеніяхъ: вытягиваетъ ноги, руки его, поворачиваетъ голову направо, налево и проч. На сороковый день жизни ребенку даютъ имя тоже съ нѣкоторою торжественностью. Имя ребенку даютъ уважаемые въ аулѣ лица или мулла. По мнѣнію киргизъ, имя ребенка имѣетъ большое вліяніе на его судьбу. Они даютъ своимъ дѣтямъ имена покойныхъ родственниковъ, прожившихъ свой вѣкъ въ достаткѣ, или какихъ нибудь знаменитыхъ людей. Иногда, чтобы не сглазить ребенка и не накликать ему какихъ нибудь болѣзней, ребенку даютъ

има не очень привлекательное; такъ напимѣръ: „итъ-аякъ“ (собачья нога), „итъ-басъ“ (собачья голова), „кара-кучукъ“ (черный щенокъ). Въ послѣднее время, благодаря мулламъ, между киргизами стали даваться имена мусульманскихъ пророковъ. Между киргизами—рѣдкій случай, когда мать сама не кормитъ своего ребенка; только въ случаѣ болѣзни, мѣшающей ей кормить, нанимается кормилица. Кормилица вступаетъ съ новорожденнымъ въ молочное родство и называется „имчекъ-инэ“, или „суть-инэ“—грудная, или молочная мать.

Киргизы при воспитаніи своихъ дѣтей руководствуются преданіями предковъ, народными обычаями и суевѣріями; поэтому въ воспитаніи дѣтей мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ большія ошибки, происходящія отъ незнанія естественныхъ законовъ, управляющихъ нашей жизнью. Укажемъ на болѣе выдающіяся ошибки при воспитаніи дѣтей. Киргизы говорятъ, что для того, чтобы скорѣе научить дѣтей ходить, нужно прибѣгать къ слѣдующимъ мѣрамъ: нужно привязать къ правой ногѣ ребенка пестрый снурокъ (алабау) и, протянувъ его во всю длину, перерѣзать ножомъ, и ребенокъ будетъ ходить. Это называется „тусау-кесу“ (рѣзать пuto). На основаніи этого мнѣнія киргизы весьма часто преждевременно ставятъ своихъ дѣтей на ноги и начинаютъ ихъ учить ходить. Также преждевременно киргизы стараются научить своихъ дѣтей говорить; для этого они кормятъ ихъ остатками ѣды краснорѣчивыхъ людей, будучи увѣрены, что краснорѣчіе ихъ вмѣстѣ съ пи-

щей перейдетъ къ мальчику; потомъ начинаютъ обременять ихъ молодую память большимъ количествомъ непонятныхъ словъ и торопятъ, чтобы дитя говорило связно. Очень рано ихъ приучаютъ пѣть разныя пѣсни и рассказывать сказки безъ всякаго объясненія. Конечно, такія старанія киргизъ скорѣе научить своихъ дѣтей ходить или говорить весьма вредно отражаются на ихъ развитіи.

Когда дѣти начинаютъ ходить, имъ предоставляется полная свобода, и они растутъ безъ всякаго присмотра со стороны родителей. Дѣти совершенно голыя бѣгають около аула и играютъ съ своими сверстниками съ утра до вечера, являясь домой для принятія пищи. Только дѣвочка неотлучно находится при матери и съ раннихъ лѣтъ приучается къ разной работѣ: шить, валять кошмы, прядь шерсть, готовить пищу и т. п. Здѣсь упомянемъ, что киргизы съ раннихъ лѣтъ приучаютъ своихъ дѣтей къ верховой ѣздѣ, устраивая для этого особаго рода сѣдла, съ которыхъ совершенно нельзя упасть.

На седьмомъ году жизни мальчикъ подвергается обрѣзанію. Обрѣзаніе сопровождается небольшимъ празднествомъ „сундетъ-той“. Послѣ этой операціи киргизы отдають своихъ дѣтей въ „мактабъ“ (школу). Мактабы, гдѣ обучаются киргизскія дѣти, обыкновенно временные, т. е. открываемые въ зимнихъ и лѣтнихъ стойбищахъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ мактабахъ обучаютъ дѣтей муллы изъ киргизъ, сартовъ и отчасти татаръ. Для полученія мѣста учителя отъ этихъ мулл не требуется ни-

какихъ правъ и познаній; поэтому они не особенно бываютъ свѣдущи въ своемъ дѣлѣ.

Методъ преподаванія состоитъ въ безсознательномъ заучиваніи текстовъ изъ Корана, твореній персидскихъ поэтовъ и проч. За незнаніе уроковъ учениковъ колотятъ безпощадно. Мнѣ приходилось видѣть учениковъ, которые отъ побоевъ по ступнямъ ногъ не были въ состояніи ходить долгое время. Родители на такія жестокія наказанія нисколько не претендуютъ, а напротивъ одобряютъ ихъ, говоря, что они для ученика „сауапъ“ (спасеніе). Сверхъ того киргизы, отдавая своихъ дѣтей муллѣ, даютъ послѣднему неограниченную власть надъ своими дѣтьми. „Таксыръ-мулла, — говоритъ киргизъ, приводя къ муллѣ своего сына, — вотъ мой сынокъ; учите его; если будетъ лѣниться, бейте его: мясо его ваше, а кости наши!“

Обученіе въ киргизскихъ школахъ начинается съ заучиванія арабскихъ буквъ и ихъ складовъ, послѣ чего ученикъ переходитъ къ чтенію книги на арабскомъ языкѣ „Афтіакъ“ (7 часть Корана). Прочитавъ безсознательно „Афтіакъ“, ученикъ переходитъ къ чтенію Корана и другихъ книгъ: „Чахаръ-китабъ“ (сборникъ правилъ вѣры), „Хаджа-Хафиза“ (стихотворенія персидскаго поэта Хафиза) и другихъ. Чтеніе этихъ книгъ также имѣетъ механическій характеръ. Ученики цѣлый день проводятъ въ школѣ и только на два часа, не больше, отпускаются домой для обѣда и отдыха. Во все время занятія ученики сидятъ на колѣняхъ, потупившись внизъ. Всѣ читаютъ вслухъ, поднимая

глухой шумъ и раскачиваясь спереди назадъ. Никакой гимнастики въ киргизской школѣ не существуетъ; сверхъ того мулла, отпуская учениковъ домой, запрещаетъ имъ рѣзвиться и играть подѣ страхомъ наказанія. Все это весьма вредно отражается на физическомъ развитіи учениковъ: всѣ они почти хилы, вялы. Этотъ вредъ устраняется въ послѣдствіи только верховой ѣздой. Такимъ образомъ, киргизская школа оставляетъ умственное и физическое развитіе дѣтей въ сторонѣ; одной только памяти она даетъ работу, работу тяжелую и скучную. Признаться, это неученье, а мученье. Значеніе киргизской школы состоитъ развѣ только въ нравственно религіозномъ вліяніи на учениковъ. Мулла послѣ каждаго урока сообщаетъ ученикамъ правила намаза (молитва) и даетъ наставленіе, какъ вести и держать себя въ отношеніи къ окружающимъ лицамъ и т. п.

IV.

Вольной.—Ваксы и способы леченія.—Смерть киргиза и похоронные обряды.

При болѣзняхъ, въ особенности нервныхъ и душевныхъ, киргизы обращаются къ помощи „баксы“. Баксы, по мнѣнію киргизъ, находится во взаимныхъ отношеніяхъ со всѣми добрыми и злыми духами и получаетъ черезъ нихъ такія свѣдѣнія, которыя недоступны обыкновеннымъ людямъ. Силой этихъ духовъ баксы исцѣляетъ больныхъ.

Разъ мнѣ представился случай присутствовать

при леченіи баксы. Жена брата волостного старшины, у котораго я гостилъ во время каникулъ, была больна. По словамъ аульныхъ киргизъ, здоровье ея, не смотря на разныя мѣры, принятія „таубомъ“ (киргизскій врачъ), становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Говорили, что она, будучи одержима „джиномъ“ (*) не спала

(*) Джинны—это духи, демоны, имѣющіе роковое вліяніе на участь всякаго живущаго. Джинны цѣлыми легіонами разлетаются по всему свѣту, искушаютъ людей, вселяются въ челоѣка и животныхъ и начинаютъ мучить ихъ; откликаются заблудившимся, увлекаютъ ихъ въ пустыню или водятъ около одного и того же мѣста; далеко поднимаются на небо и подкрадываются къ тому дереву, на листьяхъ котораго написано будущее каждаго челоѣка и которое охраняется двумя ангелами. Ангелы, увидѣвъ приближающихся джиновъ, посылаютъ на нихъ молнію. Джинны, разсыпаясь, моментально скрываются въ деревьяхъ, животныхъ и людяхъ (подъ мышкой). Но молнія преслѣдуетъ и поражаетъ ихъ, куда бы они ни скрылись.

Джинны раздѣляются на нѣсколько категорій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны албастаны или марту. Албастаны въ свою очередь бываютъ двухъ родовъ „сары-албастаны“ и „кара-албастаны“. (Названіе „албастаны“ не состоитъ-ли изъ междометія „ал“, выражающее предостереженіе, вниманіе и глагола „басмакъ“—давить. Киргизы говорятъ, что если скажешь „албастаны“, то онъ приближается къ тебѣ, а если скажешь „марту“, удаляется отъ тебя). Эти два рода албастаны по своему отношенію къ людямъ, по своему характеру рѣзко отличаются другъ отъ друга. Первый, т. е. сары-албастаны—ужасный хитрецъ и обманщикъ; иногда онъ дастъ челоѣку обѣщаніе оставить его въ покоѣ и держаться отъ него подальше и все таки слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ, ища удобнаго случая повредить ему. „Кара-албастаны“ или просто „кара“, хотя и рѣдко преслѣдуетъ челоѣка, но гораздо злѣе и опаснѣе своего собрата. Онъ рѣдко вредитъ челоѣку; но, если онъ рѣшился погубить челоѣка, то только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно отстранить его пагубное вліяніе. Киргизы, проклиная кого либо, говорятъ: „кара-басъ-кыръ“ или „кара-басынъ“—пусть тебя задавитъ кара“. Мѣстопробываніемъ албастаны служатъ пустыня, развалины и вообще уединенныя мѣста. Особенно благопріятенъ для появленія ихъ мракъ ночи. Албастаны даютъ и этимъ самымъ даже умершвляють людей злыхъ; людямъ же добрымъ и благочестивымъ они

ни ночью, ни днемъ, а бродила по аулу. Однажды къ этой больной женщинѣ былъ призванъ баксы. Я, съ дозволенія хозяина, отправился въ кибитку больной посмотрѣть ворожбу знахаря. Баксы послѣ краткихъ разспросовъ о болѣзни, доставъ изъ кошомнаго мѣшка кобызъ (родъ скрипки), нехотя настроилъ его и потомъ, ударивъ по струнамъ смычкомъ, началъ затягивать пѣсню, дѣлая воззваніе къ разнымъ духамъ. Онъ по временамъ прерывалъ свои воззванія и страшно вздыхалъ. Звуки кобыза становились все тише и тише. Вотъ баксы замолкъ; онъ вздрогнулъ, руки его затряслись, отчего побрякушки и разныя привѣски на его инструментѣ забряцали. Баксы, казалось, прислушивался къ этому бряцанію. Онъ по временамъ продолблывалъ ужасныя гримасы, то полуоткрывая, то закрывая глаза. Въ такомъ положеніи онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ. Баксы, по мнѣнію киргизъ, въ это время разспрашивалъ духовъ о судьбѣ больной. Потомъ онъ очнулся, какъ бы отъ забытья, утеръ потъ со лба и заявилъ, что въ больную вселились злые духи, и что онъ ихъ можетъ прогнать

не могутъ причинить зла и даже находятся отъ нихъ въ зависимости. Албасть могутъ видѣть только люди съ арваками, (о чемъ рѣчь дальше); другимъ-же рѣдко удается видѣть ихъ. Чтобы повредить человѣку, албасть прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ: являются въ образѣ кошки, козла и проч.; но чаще всего они являются въ образѣ мальчика или дѣвочки съ огромными грудями, закинутыми черезъ плечо на спину. Ходятъ они чаще всего голыми, косматыми. При встрѣчѣ съ людьми „албасть“ вступаетъ въ разговоры и разными уловками старается ихъ завлечь куда нибудь въ уединенное мѣсто и тамъ погубить.

въ три, а если не въ три, то въ трижды—три—девять дней, если помогутъ ему арвахи (*).

Процессъ леченія, или, вѣрнѣе, изгнаніе духовъ-мучителей, обыкновенно совершается въ ночное время, ибо мракъ ночи весьма благопріятенъ для появленія вызываемыхъ духовъ.

Послѣ ужина зашелъ къ намъ въ кибитку мужъ больной и пригласилъ насъ присутствовать при леченіи его жены баксой. Мы съ удовольствіемъ согласились и отправились въ кибитку больной. Въ кибитку, кромѣ меня, собралось приблизительно человѣкъ 15 для участія въ леченіи баксы. Больная сидѣла посреди кибитки съ закрытымъ „джавлыкомъ“ лицомъ. Баксы сидѣлъ предъ ней и настраивалъ кобызъ. За нами вошли въ кибитку двѣ женщины: одна старая, а другая среднего возраста съ ребенкомъ на рукахъ; они сѣли около двери кибитки. Когда баксы кончилъ настраивать кобызъ, женщины обратились къ баксы. Старуха заявила, что у нея болятъ глаза съ недѣлю и нельзя ли помочь ей въ этой бѣдѣ; женщина съ ребенкомъ заявила, что на глазу у ея ребенка, не смотря на принятія муллою мѣры (**), болѣе и болѣе раз-

(*) Арвахи—это покровительствующіе духи усопшихъ предковъ, пророковъ, святыхъ и знаменитыхъ людей. Арвахи заботятся о счастіи и благополучіи людей, охраняютъ ихъ отъ опасностей, вселяютъ въ нихъ хорошіе помыслы, удаляя дурные. Они принимаютъ молитвы людей и молятся за нихъ, прося Бога принять ихъ молитвы.—Киргизы призываютъ арваховъ въ своихъ молитвахъ, какъ помощниковъ; отправляются къ могиламъ своихъ предковъ, святыхъ, приносятъ жертвы и цѣлыя ночи молятся имъ.

(**) Мулла читаетъ молитву и дуетъ въ лицо больного или въ больное мѣсто тѣла.

вивается бѣльмо и что тоже пришла просить у баксы помощи.

Настроивъ кобызь, баксы опять подѣ унылые его звуки началъ призывать духовъ, сначала протяжно, потомъ все громче и громче. Наконецъ, онъ пришелъ въ азартъ или лучше сказать, въ какой то экстазъ, бросилъ кобызь и началъ кружиться, кривляться, хохотать и вдругъ подбѣжалъ къ больной и, что-то бормоча себѣ подѣ носъ, дулъ ей въ лицо и началъ бить нагайкой вокругъ больной, обращаясь къ духамъ съ словами: „басъ (дави), тартъ (тащи), кесъ (руби), айда (гони)!“ Присутствующіе сейчасъ же повторяли за баксы слова общимъ хоромъ. Это дѣлается для того, что бы духи баксы, получивъ общее одобреніе присутствующихъ, болѣе успѣшно исполняли приказы баксы. Черезъ нѣкоторое время баксы въ изступленіи бросился на больную и началъ кусать ее, бить по спинѣ рукою, приговаривая „шикъ“ (выходи). При этомъ больная не сопротивлялась, а только стонала и охала. Баксы отскочилъ въ сторону отъ больной и, поднявъ глаза кверху, весь въ поту началъ свистать, обводя кругомъ руками; онъ дѣлалъ воззваніе къ духамъ, прося ихъ, чтобы они поспѣшили къ нему на помощь, „наблюдая всѣ четыре угла земли“, ударяя въ „дабыль“ (барабанъ) и собирая подчиненныхъ духовъ. Послѣ такихъ воззваній баксы опять началъ бѣситься: кололъ себя ножомъ, лизалъ раскаленный кетмень(*),

(*) Заступъ.

продѣлывалъ и т. п. фокусы, убѣждающіе окружающихъ въ томъ, что въ баксы дѣйствительно вселились его духи.

Бѣсовскія продѣлки баксы продолжались далеко за полночь. Мало по малу онъ успокаивался и, наконецъ, взявъ кобызъ, началъ пѣть, прося духовъ своихъ теперь удалиться и не выпускать плѣнныхъ злыхъ духовъ болейшой. По удаленіи духовъ, баксы прочиталъ бату и, обратившись къ пришедшей старухѣ сказалъ: „вы, матушка, не бойтесь этой болѣзни; она не очень продолжительна; вы подверглись ей по той причинѣ, что ѣли изъ блюда, облизаннаго собакой; стоитъ только васъ спрыснуть водой завтра послѣ заката солнца, и вы скоро избавитесь отъ нея“. Потомъ баксы обратился къ матери ребенка и сказалъ, что сына ея коснулось дуновение „пери“ (*) (одинъ родъ злыхъ духовъ) и что она пусть приходитъ къ нему по утрамъ съ своимъ ребенкомъ для излеченія.

Изгнаніе духовъ-мучителей повторялось такимъ образомъ еще нѣсколько ночей, конечно,

(*) Пери — это прекрасное воздушное существо, живущее между небомъ и землею и на высокихъ горахъ. (Желая превозносить красоту кого либо, киргизы говорятъ: „по красотѣ онъ рожденъ отъ пери, „перизадъ“). По словамъ однихъ киргизъ, пери существо доброе, но большинство утверждаетъ, что пери существо злое и могущественное: достаточно ему прикоснуться къ какой нибудь части тѣла человѣка, какъ послѣдній моментально лишится возможности владѣть этой частью; достаточно прикосновенія его дуновения (перененінгъ салкыны тусмекъ), какъ человѣкъ заболѣетъ. — Параличъ, ревматизмъ и т. п. болѣзни киргизы приписываютъ дѣйствию „пери“. Пери бываютъ двухъ родовъ: „мусульманъ пери“ (пери мусульманинъ) и „кафиръ пери“ (пери невѣрные). Они находятся между собой во враждѣ. Кромѣ того, пери раздѣляются на простыхъ и ученыхъ.

не непрерывно. Я посѣщалъ леченіе баксы только два раза, ибо однообразное дѣйствіе баксы не представляло теперь для меня никакого интереса.

Когда больная стала выздоравливать, баксы окончили свое леченіе заключительнымъ обрядомъ, „кучру“ (переселеніе духовъ-мучителей на другой предметъ). Кучру состоялъ въ слѣдующемъ: по просьбѣ баксы, былъ принесенъ сухой собачій черепъ, который онъ раскрасилъ въ самые разнообразные цвѣта. Затѣмъ баксы собрали съ каждой кибитки аула по одной куклѣ. Число куколъ бываетъ нечетное. По мнѣнію киргизъ, куклы—образы злыхъ духовъ, шайтановъ. Послѣ заката солнца баксы повели больную въ сторону отъ аула, гдѣ пролегалъ дорога, положилъ около нея черепъ, разбросалъ около него куклы и больную обвелъ вокругъ черепа три раза, послѣ чего они пошли обратно. Когда я разспросилъ присутствующихъ при этомъ лицъ (баксы никогда откровенно не рассказываетъ тайнъ своего искусства подозрительнымъ ему лицамъ) о значеніи этого обряда, то они мнѣ сообщили, что во время обвода больной вокругъ черепа ея мучители переходятъ въ черепъ; такимъ образомъ раскрашенный черепъ превращается въ глазахъ духовъ-мучителей въ собаку, окруженную бѣсами (куклами). Духи больной, увидя собаку, окруженную своими „сестрицами“, покидаютъ больную и присоединяются къ нимъ, садясь верхомъ на эту собаку. Больная, обойдя три раза черепъ, должна, не оглядываясь назадъ, спѣ-

шить домой; въ противномъ случаѣ злые духи по-
падаютъ черепъ и переселяются въ нее опять.

Когда киргизъ умираетъ, вѣсть объ этомъ живо разносится по степи черезъ нарочныхъ гонцовъ и живо собираетъ въ аулъ покойнаго его родственниковъ, муллу и знакомыхъ. Мулла съ прибывшими въ аулъ входитъ въ кибитку покойнаго и читаетъ молитву за упокой души усопшаго. Нѣсколько мужчинъ омывають тѣло покойнаго, надѣваютъ на него саванъ (кебинъ) и кладутъ на коверъ, разостланный при входѣ на лѣвой сторонѣ кибитки; потомъ трупъ огораживаютъ чіевой цыновкой. Омывшіе тѣло покойнаго получаютъ его одежду. Жены и близкія родственницы покойнаго окружаютъ его тѣло, начинаютъ рыдать и причитывать. Мало-по-малу рыданія ихъ и причитанія усиливаются и наконецъ сливаются въ одинъ общій хоръ, восхваляющій семейныя добродѣтели покойнаго. Жены покойнаго приходятъ въ неистовство, желая выразить постигшее ихъ горе, рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ лицо и совершенно обливаются кровью; „зачѣмъ ты насъ покинулъ?!—на кого ты оставилъ свою семью?!“ вотъ что постоянно слышится изъ ихъ устъ. Страшные вопли ихъ далеко раздаются въ степи. Покойникъ остается въ кибиткѣ не дольше сутокъ. Предъ выносомъ тѣла его мулла читаетъ молитву; затѣмъ кладутъ его на носилки и несутъ къ могилѣ. Могилы киргизы роютъ гдѣ нибудь на возвышенномъ мѣстѣ,

чтобы всякій проѣзжіи, увидѣвъ могилу, прочиталъ бы молитву за покойнаго. Могилу роютъ глубоко въ поясъ, длиною въ ростъ человѣка, шириною приблизительно въ $\frac{3}{4}$ аршина. Покойнаго спускаютъ въ эту яму и кладутъ его на спину, головою, обращенною къ полярной звѣздѣ (полярная звѣзда у киргизъ называется „темиръ-казыкъ“ — желѣзный колъ) (*) лицомъ, немного наклоненнымъ на правую руку, т. е. къ Меккѣ.

Передъ опусканіемъ тѣла въ могилу мулла читаетъ отпускную молитву. Яму покрываютъ камышемъ или доской и сверху насыпаютъ землю, образуя небольшой курганъ. Около головы этого кургана ставится камень съ надписями или просто шесть. У богатыхъ киргизъ надъ могилой сооружаются памятники въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіями наверху.

Постѣ погребенія мулла и всѣ присутствующіе при похоронахъ возвращаются въ аулъ покойнаго и садятся за трапезу.

Женщины еще долго голосятъ, восхваляя достоинство покойнаго; въ продолженіи цѣлаго года разъ въ недѣлю онѣ собираются въ кибитку покойнаго оплакивать его.

(*) Каждый киргизъ, живущій на землѣ, имѣетъ свою звѣзду, которая свѣтитъ только при его жизни, а по смерти падаетъ.

Звѣзды Большой Медвѣдицы называются „джети-каракчи“ — семь воровъ, которые гонятся за двумя лошадьми: „Акъ-бузь-атъ“ (сивая лошадь) и „Кузь-бузь-атъ“ (голубо-сѣрая лошадь), двумя звѣздами въ малой Медвѣдицѣ, лежащими дальше отъ Полярной. Лошади эти привязаны на „желѣзный колъ“ — полярная звѣзда. Какъ только семи ворами удастся украсть этихъ лошадей, настанетъ конецъ міра.

Въ годовщину смерти киргиза устраиваются большія поминки, называемыя „асъ-беру“.

Общая характеристика нравственныхъ свойствъ киргизъ.

Духъ независимости и чувство собственного достоинства составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ характера киргиза. Киргизъ не любитъ льстить и низкопоклонничать. Онъ сумѣетъ пошутить, посмѣяться съ вами и съ ѣдкою давать острые отвѣты, но не можетъ вынести обиды, нахальства и чрезвычайно склоненъ къ гнѣвнымъ вспышкамъ. Если кто его обидитъ, то онъ выходитъ изъ себя и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не выместитъ своего гнѣва. Оскорбившій киргиза сейчасъ же познакомится съ его нагайкою. Эта нагайка неразлучный другъ киргиза; ею онъ разрѣшаетъ споръ, ссору и ею же защищаетъ свои права. Въ этой первобытной натурѣ киргиза кроется много благородныхъ качествъ. Киргизъ чрезвычайно добродушенъ и кротокъ: достаточно иногда двухъ словъ: „саямъ-аляйкумъ“ или „дисуль-булсунъ“ (счастливаго пути), сказанныхъ ласковымъ тономъ, чтобы первый встрѣчный киргизъ окончательно расположился въ вашу пользу. При этомъ онъ никогда не рѣшится первый обмануть или оскорбить васъ. Гдѣ киргизъ встрѣчаетъ привѣтъ и дружбу, тамъ онъ никогда не бываетъ злонамѣренъ. Въ отношеніи къ иноплеменникамъ кир-

гизъ въ первый моментъ кажется скрытнымъ и холоднымъ. На самомъ же дѣлѣ этихъ качествъ у киргизъ нѣтъ. Если обстоятельства заставятъ васъ остаться на два или три дня среди киргизъ, то вы можете вполне познакомиться съ ихъ добрымъ и откровеннымъ характеромъ. Съ перваго же дня вашего знакомства, послѣ того какъ вамъ удалось нѣсколько поговорить съ нимъ и вы сумѣли показаться человѣкомъ привѣтливымъ, киргизъ съ вами уже откровененъ: онъ будетъ безъ усталости говорить вамъ обо всемъ, какъ своему старому знакомому. Слова его дышатъ задушевностью, искренностью; однимъ словомъ, что на душѣ, то и на языкѣ. Доброта и услужливость киргиза въ отношеніи къ вамъ не знаетъ границъ. Въ этомъ случаѣ киргизы руководствуются слѣдующею пословицею: „дѣлай добро и брось его въ воду, — рыба узнаетъ, а если рыба не узнаетъ, то узнаетъ Творецъ.“ Будучи человѣкомъ прямодушнымъ и честнымъ, киргизъ отличается необыкновенною доверчивостью, такъ что даже ребенокъ можетъ провести его. Этимъ сильно пользуются торговцы сарты и татары, безсовѣстно эксплуатируя его. Въ каждомъ киргизѣ ясно замѣчается твердая привязанность къ старинѣ, къ обычаямъ своихъ предковъ, необыкновенно строгое отношеніе къ выполнению данного слова. Большое преступленіе дѣлаетъ тотъ, кто лжетъ и нарушаетъ данное слово. Но, къ сожалѣнію, жизненный опытъ, безжалостная эксплуатація со стороны сартовъ, идущихъ въ киргизскую степь съ юга, и татаръ, идущихъ съ сѣ-

вера, горькія испытанія судьбы и разныя разочарованія уже значительно портятъ національный характеръ киргиза. Въ настоящее время уже не рѣдкость встрѣтить между киргизами мошенниковъ, воровъ и кляузниковъ. Но въ общемъ это все еще добродушный народъ, въ которомъ больше симпатичныхъ чертъ, чѣмъ въ его сосѣдяхъ, сартахъ и татарахъ; это все еще довѣрчивый народъ, жаждущій знанія и свѣта, жаждущій просвѣщенія. Самыми лучшими выразителями такихъ стремленій служатъ Перовскіе и Казалинскіе киргизы, которые жертвуютъ значительныя суммы на русское образованіе своихъ дѣтей. Русское начальство и Правительство, пользуясь всѣми этими добрыми чертами, сумѣетъ сдѣлать весьма много хорошаго и полезнаго для этого симпатичнаго народа, оградивъ его предварительно отъ пагубнаго вліянія сартовъ и татаръ. Да поможетъ же Богъ русскому правительству въ этомъ добромъ дѣлѣ на пользу моего роднаго народа!

